

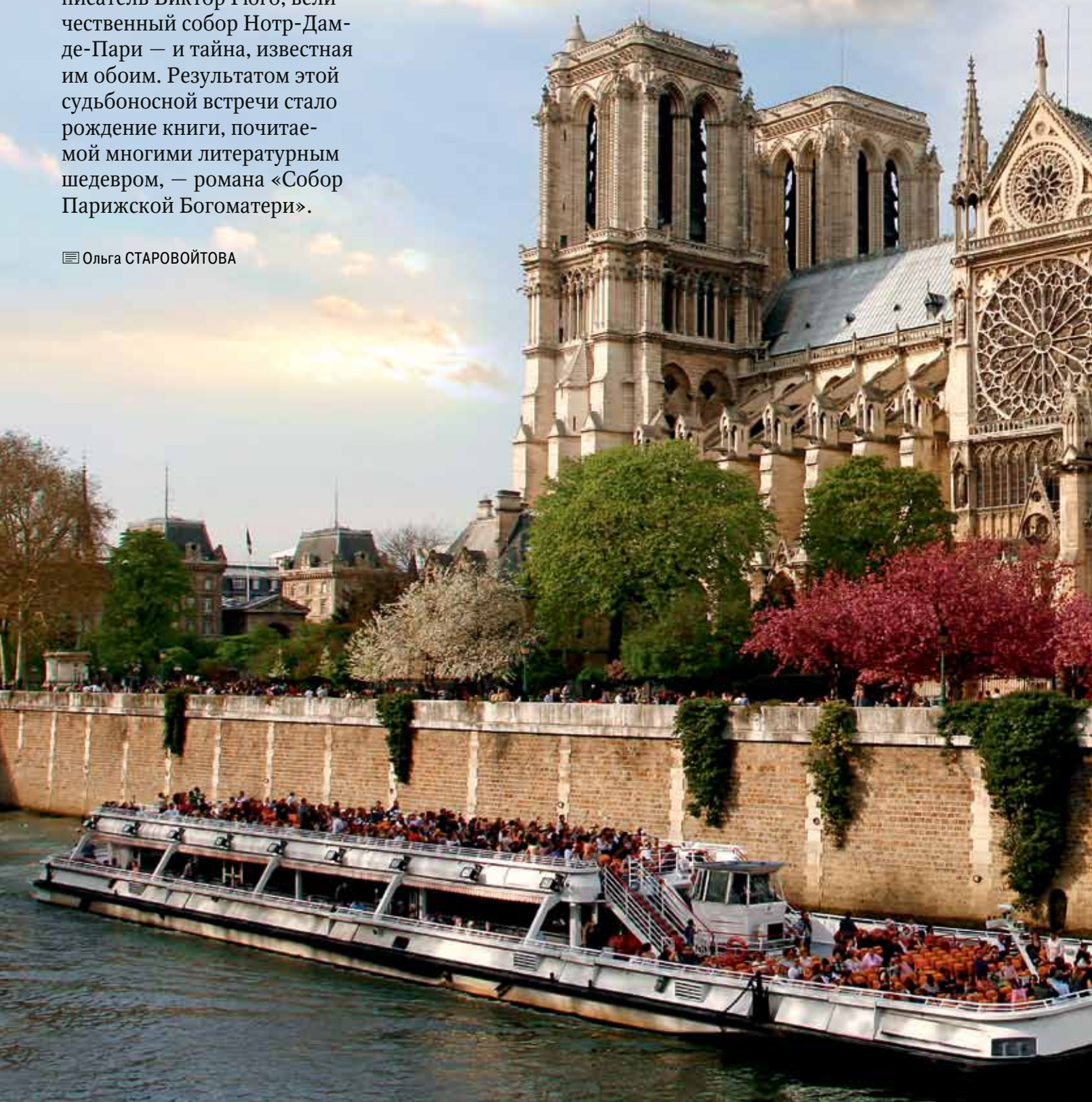

DISCOVERY ЧУДО СВЕТА

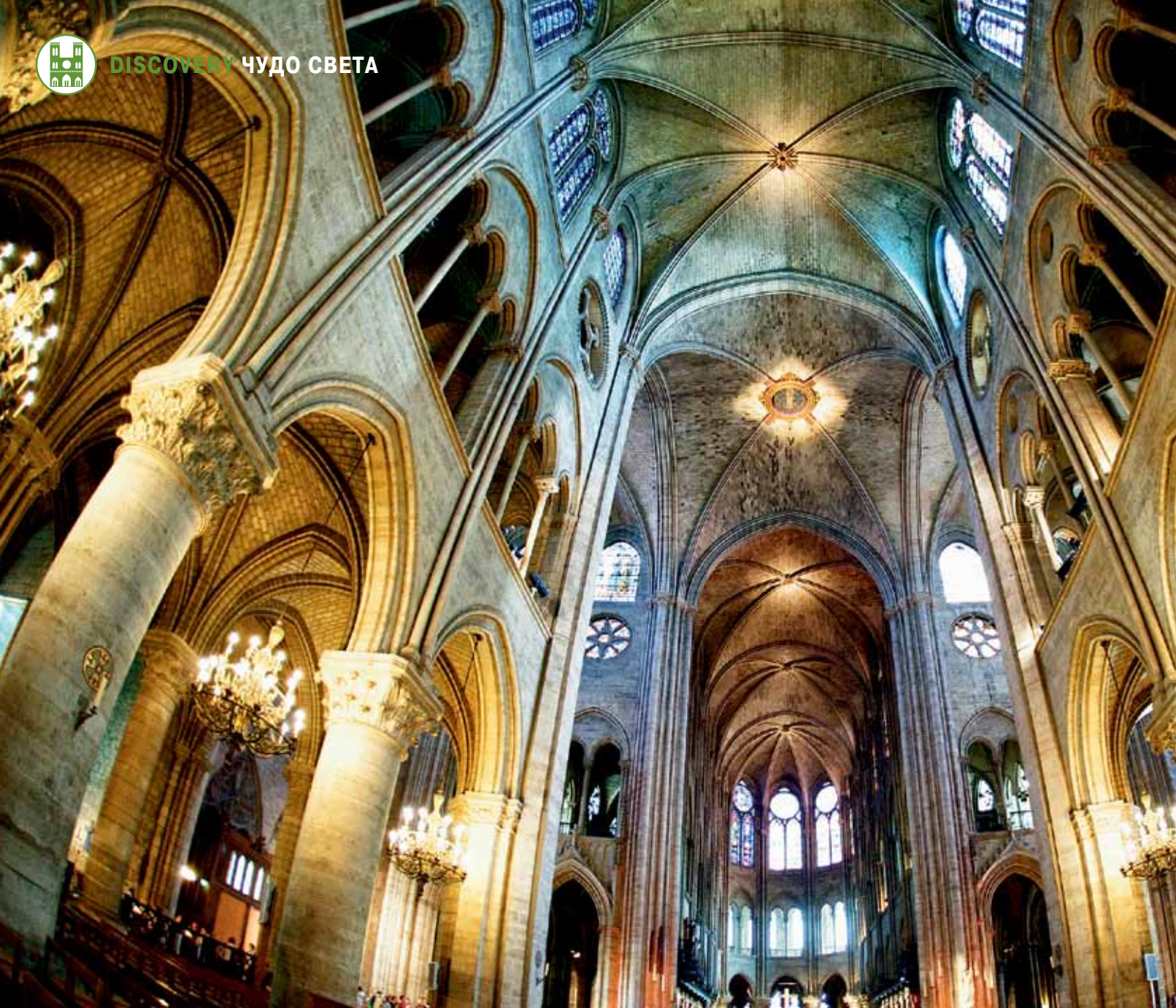
СЕРДЦЕ ГОРОДА

Однажды они встретились: писатель Виктор Гюго, величественный собор Нотр-Дам-де-Пари — и тайна, известная им обоим. Результатом этой судьбоносной встречи стало рождение книги, почитаемой многими литературным шедевром, — романа «Собор Парижской Богоматери».

☰ Ольга СТАРОВОЙТОВА

Первый большой роман Виктора Гюго принес автору популярность. Однако этой книге было суждено стать гораздо большим, чем просто утешением читательских душ. Заключенная в ней тайна заставила тогдашних парижан, прагматичных людей механистичного XIX столетия, обратить внимание на каменную громаду Нотр-Дама — и сдернуть с нее пелену запустения. После публикации романа в 1831 году французы занялись охраной и реставрацией архитектурного наследия прошлого — а следом за ними сохранять и рестав-

рировать принялся и весь остальной мир. Впрочем, Гюго этого и добивался. Амбициозный молодой литератор так и написал в предисловии к первому изданию книги: «Одна из главных целей моих — вдохновить нацию любовью к нашей архитектуре».

ПОД СВОДАМИ ВЕКОВ

Петушок на 96-метровом шпиле весело поблескивает в лучах солнца. Многоцветная и разноголосая толпа на площади перед собором напоминает пчелиный

рой — если смотреть сверху, с башни, куда можно подняться по лестнице в 244 ступеньки, которая начинается в доме № 10 по прилегающей улочке Клуатр Нотр-Дам. Туристы-одиночки, экскурсионные группы, христиане-паломники, провинциалы-французы, приехавшие откуда-нибудь с верховьев Ду взглянуть на одну из главных достопримечательностей столицы, — и кажущиеся меж ними редкими сами парижане. По первым пятницам месяца народу здесь еще больше: в три часа пополудни из сокровищницы собора выносят одну

SHUTTERSTOCK.COM (1)

ДЫХАНИЕ ДРЕВНЕЙ ТАЙНЫ ОЩУЩАЕТ
В НОТР-ДАМЕ КАЖДЫЙ. ПОЧУВСТВОВАЛ
ЕГО И ВИКТОР ГЮГО

из самых почитаемых христианских реликвий — **частицу Тернового венца**, заключенную в стеклянный «бублик» в тонкой золотой оправе. В Великий пост Терновый венец достается из реликвария каждую неделю, по пятницам, также в три часа, а в Великую субботу — почти на весь день, с 10 утра до 5 вечера. Впрочем, паломников хватает и в другое время: месса в соборе Парижской Богородицы — действие поистине величественное и захватывающее.

Других же более привлекает роскошь вида. Современный ажурный шпиль церкви, основание которого поддерживают двенадцать апостолов, — это творение главного реставратора собора, Эжена Виолле-ле-Дюка. Он же, вдохновленный порождениями средневекового разума, горгульями, придумал и нотр-дамовских химер, которые смотрят на город с площадок у подножия башен, задумчиво подперев руками безобразные головы. Теперь уже сложно представить собор без этих существ — однако в Средние века их, конечно, не было. А вот степенные башни и изумительное по красоте витражное окно-роза между ними явно отдают седой стариной. Столь же древен северный портал, увенчанный статуей Богородицы, — сквозь него в собор попадали насельники бывшей здесь некогда обители. В ее внутреннем дворе-клуатре, предназначенном для размышлений и бесед, семь веков назад благоухали на клумбах лекарственные растения. Здесь вступал в бесконечные прения со своими оппонентами средневековый остролов, схоласт и еретик Пьер Абеляр, а позже появлялись загадочный епископ-алхимик Альберт Великий, автор «Путеводителя души к Богу» святой Бонавентура, да и другие столпы теологии того времени. Давно уже нет ни примыкавшего к собору монастыря, ни самого дворика — память о нем сохранилась лишь в названии улицы Клуатр Нотр-Дам.

Если бы камни собора могли заговорить, какое захватывающее повествование мог бы услышать мир! Где-то здесь, в древнейшей части Парижа, на острове Сите посреди Сены, вот уже третье тысячелетие бьется сердце города. После того как легионы Цезаря покорили Галлию, победители возвели на восточной оконечности острова алтарь в честь Юпитера — в 360 году здесь, например, под шумные одобрительные возгласы римских легионеров был провозглашен

императором Юлиан Отступник, последний язычник на имперском троне. В VI веке, в эпоху Меровингов, на месте бывшей языческой святыни уже высились две христианские базилики. Одна — в честь святого Этьена (по-русски первоученика Стефана), другая — в честь Девы Марии, Нотр-Дам.

К середине XII столетия их стены, готовые ежеминутно рухнуть, служили уже не столько прибежищем Святого Духа, сколько немым укором для Людовика VII Молодого. О, как украсил бы его город новый храм! Монаршая мечта показалась вполне осуществимой деятельному архиепископу Парижа Морису Сюлли. Призвав паству вносить жертвоприношения, священнослужитель пригласил гениального зодчего, чье имя хроники и средневековые акты не сохранили. В 1163 году в фундамент храма лег первый камень — возможно, один из тех, что раньше составляли стену какой-нибудь из двух меровингских базилик. Строители использовали целые фрагменты старых стен, бережно обкладывая их

новыми камнями, добытыми из знаменитых парижских каменоломен. Через два десятилетия восточная часть уже была подведена под кровлю — и под сводами резонировали голоса возносящего хвалы Господу хора. В 1180-м началась «вторая очередь» строительства, и ровно через 40 лет Нотр-Дам обрел свое

самое узнаваемое лицо — западный фасад с тремя завораживающими перспективными порталами. Левый и правый языком скульптуры повествуют о сценах из житий Богородицы и матери ее Анны, средний — о Страшном суде. Декорирование велось в едином ритме со строительством: ваятели, плотники и кузнецы прилаживали в едва готовые ниши статуи, дубовые ворота, металлические скобы и запоры. В 1220-м по одиннадцати ступеням, ныне скрывшимся под брусчаткой, застучали деревянными башмаками и зашуршали кожаными

поршнями ноги парижан, пришедших на службу в обновленный собор. Еще через два с половиной десятилетия Нотр-Дам обрисовал в парижском небе основные черты своего запоминающегося облика, дополненного шпилем и двумя не слишком симметричными башнями. Тогда же собор получил первые витражи и обрел голос — на нем зазвонили колокола.

Сколько было их тогда, мы вряд ли узнаем. Однако достоверно известно, какова была звуковая палитра собора спустя два столетия, во время действия романа Гюго. Как выразился писатель, «Квазимодо имел в своем гареме пятнадцать колоколов, но фавориткой его была толстая Мари». Шесть средних в северной башне и два больших в южной, шесть маленьких в основании шпиля и там же — деревянный колокол, которым пользовались лишь на Страстной неделе. До наших дней дожил лишь один из них — и то в переплавленном виде.

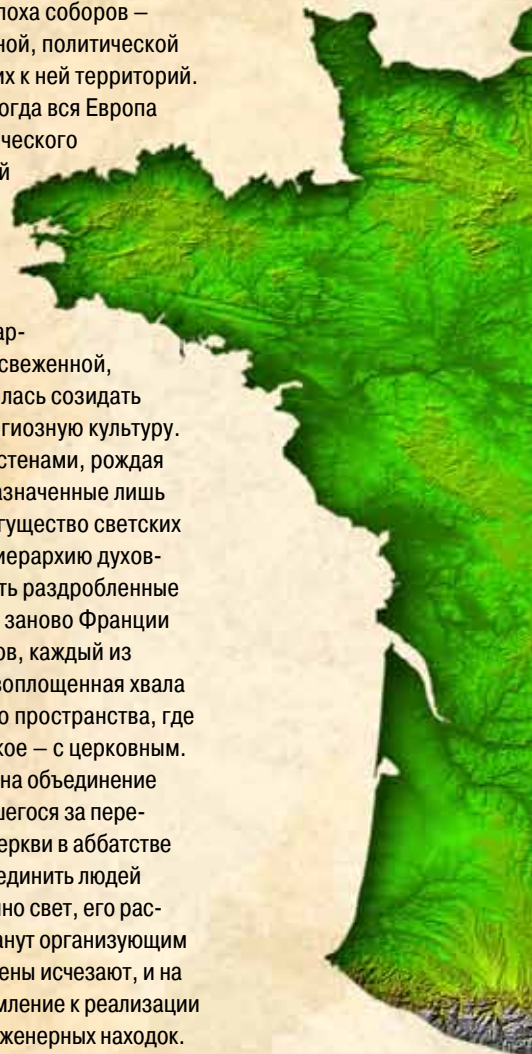
ЛЮДИ НА ПЛОЩАДИ

К 1302 году собор был отделан изнутри и готов настолько, что смог принять под свои своды Генеральные Штаты — первый французский парламент. Их созвал Филипп Красивый — тот самый, который на налоговой почве крупно поссорился с папой Бонифацием VIII. Вообще монархи не слишком жаловали парижский собор, для коронаций предпочитая Реймс, а для венчаний — храмы еще более дальних городов, такие как собор в Клермон-Ферране, где вступал во второй брак отец Филиппа Красивого Филипп Смелый. А Нотр-Дам, несмотря на все свое величие, оставался храмом для простого люда. Днем на площади перед ним спорили столпы всех наук, тут же доктора осматривали больных, а вечером появлялись булочники, по дешевке распродававшие утренний хлеб и битые яйца. По воскресеньям здесь торговали цветами, овощами и живностью, а в канун Пасхи разворачивалась ветчинная ярмарка — от царившего на ней аромата сводило животы у истощенных постом парижан, особенно у вечно голодных школяров. К собору

ВРЕМЯ СОБОРОВ

Il est venu le temps des cathédrales, le monde est entré dans un nouveau millénaire — «пришло время соборов, мир вступает в новое тысячелетие», — провозглашают герои в самом начале всемирно знаменитого мюзикла «Нотр-Дам-де-Пари», спровоцировавшего новый виток интереса к творению Гюго и к самому парижскому храму. «Время соборов» — не поэтическая фигура, придуманная автором текстов мюзикла Люком Пламондоном, а устойчивый исторический термин, вмещающий в себя все классическое французское Средневековье. Удачное словосочетание вышло из-под пера французского историка искусств Жоржа Дюби, автора одноименной книги. Эпоха соборов — почти шесть столетий религиозной, культурной, политической и повседневной жизни Франции и ближайших к ней территорий. Она начинается в самом конце X столетия, когда вся Европа замерла в эсхатологическом ожидании магического 1000 года — а потом и 1033-го, тысячетней годовщины крестных страданий Христа. Европейцы полагали, что за знаменательными датами последует конец мира, пресечется земная жизнь. Апокалипсиса не случилось — зато случился всеобщий катарсис. Европа вступала в новое тысячелетие освеженной, преодолевшей мистический страх — и принялась созидать обновленное искусство и обновленную религиозную культуру. Новая эпоха начиналась за монастырскими стенами, рождая философию и искусство, изначально предназначенные лишь для посвященных. В это же время растет могущество светских феодалов, король вплетает свою персону в иерархию духовных лиц — чтобы с помощью этого объединить раздробленные владения. В XII столетии в небо родившейся заново Франции взмывают высокие стройные стены соборов, каждый из которых — больше, чем просто здание. Это воплощенная хвала божественному величию, модель идеального пространства, где горный мир соединяется с дольным, а светское — с церковным.

Готическая культура по-новому смотрит и на объединение верующих — начиная с аббата Сугерия, взявшегося за перестройку на новых богословских основаниях церкви в аббатстве Сен-Дени в 1040 году. Он провозгласил: объединить людей поможет божественный свет — и потому именно свет, его распределение и создаваемые им эффекты и станут организующим началом соборов нового типа. Внутренние стены исчезают, и на смену уединению приходит единение — стремление к реализации этой задачи породило немало остроумных инженерных находок. Внимание строителей как никогда раньше — а может, и как никогда позже — приковано к окнам. Их проемы становятся ощутимо больше и заполняются кропотливо составленными витражами. Сквозь них и лился яркий свет, озаривший своими пляшущими разноцветными отблесками всю долгую эпоху соборов.

2

3

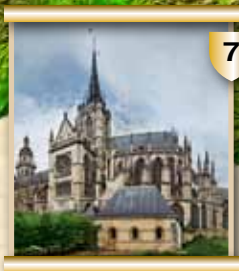
4

5

6

7

8

Руан

Амьен

Реймс

Верден

Мец

Эврё

Париж

Шартр

ФРАНЦИЯ

1. НОТР-ДАМ-ДЕ-ВЕРДЕН открывает эпоху соборов: его строительство началось в 990 году по приказу епископа Эймона, задумавшего возвести на руинах позднеантичного храма новый – в романском стиле. Перестройка XVI века привнесла в здание элементы пламенеющей готики. Собор называют «колокольной Францией» – на двух его башнях целых 19 колоколов.

2. НОТР-ДАМ-Д'АМЬЕН – самый большой по объему собор в стране, еще один образец «чистой» готики. Его строили быстро – с 1220 по 1288 год. Спешка возникла из-за появления в Амьене значимой святыни, принесенной из IV Крестового похода, – фрагмента главы Иоанна Предтечи. Она хранится здесь и поныне.

3. СЕН-ЭТЬЕН-ДЕ-МЕЦ возник из слияния двух церквей: готический неф в XIII веке пристроили к романской церкви, освященной в 1040 году. Находящийся в Лотарингии, Сен-Этьен связан с традициями германской архитектуры эпохи Оттонов. Нам известно имя автора витражей XIV века в соборе – Герман де Мюнстер.

4. НОТР-ДАМ-ДЕ-РЕЙМС называют «королевским собором». Около 498 года здесь принял крещение Хлодвиг I, положив начало христианской власти. А начиная с 816 года, когда Людовик Благочестивый выбрал Реймский собор местом своей коронации, здесь возводили на престол монархов Франции. Витражи собора (XIII век) – самые древние в стране.

5. НОТР-ДАМ-ДЕ-ШАРТР – хранилище плащаницы Девы Марии и, кажется, самый знаменитый из представителей «чистой» готики. Строительство началось после чудесного спасения реликвии из пожара 1194 года – пожертвования стекались со всей Франции. Собор был освящен в 1260 году в присутствии короля Людовика Святого и с тех пор остался почти не тронутым временем.

6. РУАНСКИЙ СОБОР – второй по высоте во Франции после Страсбургского, его шпиль возвышается на 151 метр. Храм непрерывно перестраивался вплоть до XVIII века; от первоначальной романской церкви сохранилась только крипта, а от готической – северные башня и портал.

7. НОТР-ДАМ-Д'ЭВРЁ, сооружение которого началось в XI столетии, попал в самую гущу событий англо-французского конфликта XII–XIII веков. В 1119 году он пережил пожар, с 1126 по 1140-й восстанавливался на деньги английского монарха, но в 1198-м храм снова сгорел из-за обострения конфликта между Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Августом. Готический облик собор приобрел уже после возвращения Эврё в домен французского короля в 1220 году.

8. СЕН-ЭТЬЕН-ДЕ-САНС – первый собственно готический собор Франции. Начало его строительства исследователи относят к 1135 году, а закончилось оно четыре столетия спустя.

приходили не только продать или купить, но и узнать последние новости — от горожан или королевских глашатаев. Так, в почти неизменном ритме, время текло здесь вплоть до великого потрясения — революции 1789 года.

Во времена Великой французской революции древний храм лишился окутывавшего его веками ореола святости. Когда в июле 1793-го Конвент постановил стереть «эмблемы всех царств» с лица земли, толпа кинулась яростно громить «твердыню мракобесия». На землю соборной площади полетели колокола — а после под дружное улюлюканье были обезглавлены стоявшие в стенных нишах каменные Давид, Соломон, царица Савская: ветхозаветных персонажей в коронах приняли за французских королей, ненавистных угнетателей народа. Золотая утварь, свинцовые саркофаги, обломки колоколов отправились в переплавку: республика нуждалась в деньгах, пулях и ядрах.

Еще одно поразительное зрелище того страшного года врезалось в память парижанам. 10 ноября возбужденная толпа радостно волокла к собору «трон», на котором восседала не слишком одетая актриса, изображавшая «Свободу, дочь Природы». В тот же день Национальное собрание постановило переименовать Нотр-Дам в храм богини Разума. Католические священники вернулись под своды собора в 1802 году, когда Наполеон возвратил его церкви. Спустя два года, готовясь сменить статус первого консула республики на титул императора, он распорядился подготовить собор к коронации. Нотр-Дам наскоро побелили известью, а выбоины внутри прикрыли знаменами, доставленными с поля битвы при Аустерлице. Следующие четыре десятилетия некогда величественный храм взирал на прохожих с видом человека, измотанного непрестанной борьбой за существование. Власти не знали, что с ним делать: отдавали под винный склад, выставляли на торги, с которых его едва не купил известный утопист Сен-Симон. И наконец расписались в собственном бессилии, публично заявив: а не снести ли эту громаду вообще?

ОБРЕТЕННОЕ ВЕЛИЧИЕ

В этот самый момент, в феврале 1831 года, выходит из печати роман «Собор Парижской Богоматери». Город потрясен и взволнован. Читатели следят за страстями горбатого звонаря Квазимодо, цыганки Эсмеральды, сурового архидьякона Клода Фролло, бушующими под сводами великого — что наконец осознано в полной мере — собора. А автор, Виктор Гюго, продолжает истово защищать памятник старины. «Разрушить здание? Нет, лучше уничтожим того, кто это задумал», — звучит его громовой голос, эхо которого доносится и до монарших ушей. Король-гражданин Луи Филипп грозно приподнимает брови, и под одобрительные кивки французской Палаты депутатов создает комиссию по подготовке к реставрации собора. Под руководством Виолле-ле-Дюка она будет длиться больше двух десятилетий, с 1841 до 1864 года.

Точно неизвестно, когда Виктор Гюго задумал свой роман. Возможно, что идея книги родилась не без помощи Шарля Нодье. В январе 1924 года этот блестящий литератор, энциклопедист и библиофил получил назначение в библиотеку Арсенала, в придачу к чему полагались уютные апартаменты с камином. Их и облюбовала для встреч в литературном кружке «Сенакль» романтическая интеллигенция: Виктор Гюго, Альфред де Виньи, Эмиль Дешан, Альфонс де Ламартин. Пока новая опора власти, буржуазия, занята умножением собственных прибылей, романтики желают стяжать совсем другого величия для своей родины. В поисках необходимых социуму идеалов они обращаются к «величью рыцарства и блеску Средневековья». Недостатка в источниках у молодых идеалистов не ощущалось. Библиотека являла собой склад старых

CORBIS/FOTOSA (1), AFP/EAST NEWS (2)

хроник, конфискованных у монастырей. Наполеон определил сюда и массу редких фолиантов, вывезенных из Ватикана. Повествовалось в них и о библии алхимиков — учении Гермеса Трисмегиста: следы его идей мистики видели в логике устройства готических соборов. Гюго днями просиживал над рукописями, пытаясь понять причину, подвигнувшую строителей на титанический труд. Наконец картина сложилась во всех красках — подобно готическому витражу. «Нотр-Дам, — отметит писатель позже, — наиболее полное хранилище герметического знания».

В мае следующего года, оказавшись в Реймсе на коронации Карла X, Гюго с утра и до вечера осматривал здешний собор. Заприметив близ алтарной части бесформенную глыбу, он прошептал: «Почти человек». Эти слова в латинском эквиваленте трансформировались в имя Квазимодо. Возможно, тогда определилось и место действия: в 1828 году писатель зачастил в Нотр-Дам вместе с неотлучным Нодье, скульптором Давидом д'Анже и художником Эженом Делакруа. Внутри собора друзей уже ждал аббат Эгже, главный викарий храма, лучшими

чертами которого наделен архидьякон Клод Фролло.

Собор захватил воображение Гюго. Разноцветные статуи, ныне исчезнувшие, в нишах порталов: их свинцовые глаза оживали в отсветах пламени факелов, закрепленных в узорных скобах. Немало таинственного было и в тех странных монументах, которые в изобилии водились в Нотр-Даме. Один из них — так называемый Пьер Краеугольный — в древности стоял у входа в собор и со временем превратился в серую бесформенную массу. Еще более загадочными кажутся фигуры алхимика и алхимии — казалось бы, странно представить их в католическом храме! Но никакого противоречия здесь нет. Собор — воплощение идей христианства и одновременно тех, что были распространены среди алхимиков, явленный в камне призыв преодолеть свою человеческую сущность и подняться на несколько ступеней в небо, туда, куда стремится все пространство храма. Манифест эпохи, страстно жаждавшей превращения грубой материи, низменного человека — такого, какой воплощен был в фигуре каменного Пьера, — в струящийся свет. Об этой работе Бога, Opus Dei, Великом делании алхимиков и повествует готический собор на своем особом языке — и к нему нельзя не прислушаться. ■

2

1. МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КАМЕННЫЕ ФИГУРЫ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ПОРТАЛЕ ЗАПАДНОГО ФАСАДА РАССКАЗЫВАЮТ О СТРАШНОМ СУДЕ

2. У СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАСТЕРОВ БЫЛО СВОЕОБРАЗНОЕ ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВУ. В ЭТУ НЕБОЛЬШУЮ РЕЗНУЮ КОМПОЗИЦИЮ ВМЕСТИЛИСЬ СРАЗУ БЛАГОВЕЩЕНИЕ, НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ, ПРИХОД ВОЛХВОВ И СОБСТВЕННО ХРИСТОВО РОЖДЕСТВО